

Серапионы поделили советскую литературу

по-братски

80 лет назад состоялось первое собрание литературной группы «Серапионовы братья». Объединение просуществовало до конца двадцатых годов. Тогда аполитичность и чрезмерный эстетизм молодых литераторов не пришлись ко двору. Теперь наоборот — им не прощают «грехов старости»: превращения многих «серапионов» в официальных советских писателей.

О школе судят по тому, сколько очков в счет ее престижности набрали бывшие ученики. В семье «серапионов», конечно, не без Федина, но по гамбургскому счету у «братьев» проходит Зоценко.

«Вязка у них одна, традиции разные» — так Зоценко пародировал высказывания Л'Аклобского о «Серапионовых братьях». Действительно, каждый из знаменитой компании шел своим путем. Вениамин Каверин разрабатывал фантастические и детективные жанры, Лев Лунц сочинял остросюжетные драмы на исторические темы, Всеволод Иванов культивировал орнаментальную прозу,

Братья и сестра: Константин Федин, Михаил Слонимский, Николай Тихонов, Елизавета Полонская, Михаил Зоценко, Николай Никитин, Илья Груздев, Вениамин Каверин (слева направо)

Николай Тихонов писал баллады и даже Константин Федин был непростым «бытовиком».

Тогда, восемьдесят лет назад, всем «серапионам» не было еще тридцати (самый молодой участник — девятнадцатилетний Ка-

верин, который потом, подобно последнему лицеисту Горчакову, останется последним «серапионом»). Новый кружок литераторов заявил о своем существовании в начале февраля 1921 года. Собрались «серапионы» в пет-

роградской Литературной студии, а потом каждую субботу встречались в комнате Михаила Слонимского, в том самом «доме искусств», который Ольга Форш потом назовет «сумасшедшим кораблем». Вениамин Каверин, Михаил Зоценко, Лев Лунц, Всеволод Иванов, Михаил Слонимский, Николай Тихонов, Константин Федин, Николай Никитин, Илья Груздев, а также «сестра» Елизавета Полонская — ни у кого из них не было дореволюционного литературного опыта, все они только начинали писать. Но уже успели понять: казарменно упорядочению, скучному уставу, царящим вокруг, они хотят противопоставить свободу. По тем временам достижимую разве что в единственно для них реальном мире творчества. Гофмановский герой граф П., объявив себя пустынным серапионом, поселился в лесной хижине, где его посещали прекрасные видения, и смеялся над теми, кто по-прежнему называл его графом.

«Никакие мы не „товарищи“, мы — братья», — заявила молодая компания русских читателей Гофмана. «Серапионы» не желали подчиняться жесткой регламентации советской лите-

ратуры: на современные бытовые темы — хорошо, а классическая трагедия, авантюрный роман, бульварная повесть — несвоевременно и подозрительно. «Братья» выбрали аполитичную несвоевременность. За все это официальная власть не особо жаловала молодых неформалов. Их еще как-то терпели до 1925 года, потом постановлением партии причислили к «попутчикам», то есть вроде бы и своим, но, что называется, «не в доску». С 1927 года прекратились регулярные встречи «Серапионовых братьев», а 1929 годом датируется каверинская речь, в которой подводятся прощальные итоги: «Нет ничего легче, чем взывать к неосторожным идеалам нашей юности, которая, очевидно, не повторится. Будем считать, что она прошла с барабанным боем».

С самого начала «братья», хоть и чувствовали родство, но осознавали, насколько они все разные. На собраниях «брат летописец» Никитин, «брат алеут» Иванов, «брат алхимик» Каверин, «брат виночерпий» Слонимский не только обсуждали общие «серапионовы принципы», но и активно спорили. «Брат-

ские» отношения бывали довольно напряженными. Иногда напряжение разряжалось любимой серапионовской присказкой: «Зоценко обиделся...» — после этой фразы, произносимой нейтральным голосом в паузах между дискуссиями, следовал взрыв хохота. Даже спустя десятилетия разногласия бывших когда-то «братьями» продолжались — уже в семидесятые Каверин рассорился с Фединым, поддерживавшим гонения на Солженицына.

«Серапионы» стали настоящей легендой. «Здравствуй, брат, писать очень трудно» — считается что именно так они приветствовали друг друга при встрече. Ничего подобного не было, но писать о этом и сейчас не легче. Попробуем провести фантастическую параллель со современной литературной ситуацией. Пусть вместо Каверина — Виктор Пелевин вместо Лунца — Юрий Буйда вместо Иванова — Михаил Шишкин, а вместо Федина — Андрей Дмитриев. Вряд ли бы нынешние писатели стали собираться каждую неделю, вряд ли бы, даже при наличии крепкой советской власти, они испытывают желание брататься.

АСЯ ЛАВРЕЦКА